

М. В. НЕЧКИНА

День 14 декабря 1825 года

<Фрагмент>

<...> Облава на участников восстания началась сейчас же после того, как Сенатскую площадь «очистили» картечью. Будущему шефу жандармов генерал-адъютанту Бенкендорфу во главе шести эскадронов конной гвардии было поручено «собирать спрятанных и разбежавшихся», как пишет Николай в своих «Записках». Бенкендорф орудовал «на сей стороне Невы», а на Васильевском острове то же поручение исполнял генерал-адъютант Алексей Орлов (братья декабристов), которому под команду был дан гвардейский конно-пионерный эскадрон.

По приказанию полиции все ворота и двери давно были заперты, и большие толпы восставших, бежавших вдоль улиц, окружались и арестовывались войсками, отряженными для облавы. Кое-где случайно или неслучайно отворенные ворота и двери принимали беглецов. Так, большая группа их укрылась было во дворе Академии художеств. Группа бежавших солдат пряталась некоторое время во дворе, где жил священник Виноградов. Сорок солдат успели спрятаться в погреб Сената, где вскоре и были арестованы. У прорубей на Неве находили наскоро сброшенные солдатские мундиры и шинели. Четверо рядовых, переодетых в крестьянское платье, допрашивались в Зимнем дворце генералом Левашовым уже вечером 14 декабря после торжественного молебна. Ведь кто-то дал им это крестьянское платье!¹

Раскрывались двери и перед офицерами — участниками восстания. Николай Бестужев вместе с двумя другими беглецами вошел в «половинчатые ворота» одного из домов на узкой Галерной

улице. Все трое были укрыты хозяином дома, который велел запереть все засовы и напоил декабристов чаем. Хозяин укрывал Николая Бестужева в своем доме до позднего вечера, хотя тот и сказал ему, что входит в число офицеров, которые привели на площадь восставшие войска. Сам хозяин дома (имени его Николай Бестужев так и не назвал) находился в толпе на Сенатской площади, наблюдал за всем ходом восстания и полагал, что требования восставших «были очень справедливы»².

Отряженные для облавы войска сгоняли «пленных» на Сенатскую площадь, где строили их рядами для отправки в Петропавловскую крепость. Эта трагическая колонна «пленных», выстроенная у памятника Петру, не может быть забыта историком 14 декабря. Но обычно о ней ничего не пишут в работах, посвященных дню восстания.

В письме к Константину Николай писал, что захваченных солдат было около 500 человек, но число это явно преуменьшено. Сохранилась «Ведомость о числе нижних воинских чинов лейб-гвардии Московского и гренадерского полков и гвардейского экипажа, помещенных для содержания в казематах в Санкт-Петербургской крепости», датированная 20 декабря 1825 года. В ней числится 680 человек. В тюрьму «многих везли в санях раненых», пишет Комаровский. Колонну пленных, очевидно, не случайно конвоировал в Петропавловскую крепость тот самый специально подобранный Семеновский полк нового состава, который был сформирован вместо восставшего в 1820 году Семеновского полка. Декабристы недаром не рассчитывали на этот полк, строя свои планы и готовясь к восстанию³.

Охрану центральной части города Николай поручил генерал-адъютанту Васильчикову, под командой которого были Семеновский полк, два батальона Измайловского, сводный батальон Павловского и Московского полков (имеется в виду не участвовавшая в восстании часть московцев), а также два эскадрона конной гвардии и четыре орудия конной артиллерии. Охрана Васильевского острова после розысков и поимки участников восстания поручалась также Бенкендорфу, которому к шести прежним эскадронам конной гвардии придавались еще батальон Финляндского полка и четыре орудия пешей артиллерии. Петербург имел вид завоеванного врагами города. Всюду на улицах были войска; на Сенатской площади, на месте революционного каре, чернели ряды конной гвардии. Вход на Гороховую улицу

охраняли два батальона лейб-гвардии Егерского полка и четыре эскадрона кавалергардов. У Малой Миллионной, у Большой Миллионной, у казарм Преображенского полка и на Большой Набережной у театра были расставлены пикеты егерей и тут же две пушки. Против углов Зимнего дворца, выходящих на Неву, были поставлены батареи: восьмипушечная и четырехпушечная. Парадный подъезд Зимнего дворца с набережной охранял целый батальон Измайловского полка, а левее, против угла дворца, расположились два эскадрона кавалергардов. На самой Дворцовой площади, тылом к дворцу, стоял Преображенский полк и при нем четыре пушки. Во дворе Зимнего дворца стояли оба гвардейских саперных батальона и первая «grenaderская» рота.

Ничто не может красочнее изобразить страха Николая перед революцией, как эта «диспозиция» в ночь на 15 декабря, изложенная нами по его «Запискам». Посылая генерал-адъютанта Комаровского в Москву с распоряжениями о присяге, Николай на вопрос, тотчас ли ему возвращаться, отвечал: «Желал бы, но как Богу будет угодно». Разгромив восстание картечью, он еще ощущал декабристов как неубитую, живую, действующую силу! Может быть, они выступят в Москве? По сведениям, занесенным в дневник сенатора П. Г. Дивова, правительство ждало новой вспышки, и в Арсенале спешно изготавливали снаряды, начиненные картечью⁴. Анонимный очевидец описал вид города после подавления восстания: «В 7 часов вечера я отправился домой, и вот необычайное в С.-Петербурге зрелище: у всех выходов дворца стоят пикеты, у всякого пикета ходят два часовых, ружья в пирамидах, солдаты греются вокруг горящих костров, ночь, огни, дым, говор проходящих, оклики часовых, пушки, обращенные жерлами во все выходящие от дворца улицы, кордонные цепи, патрули, ряды копий казацких, отражение огней в обнаженных мечах кавалергардов и треск горящих дров, все это было наяву в столице...» Он вспоминал и о «простреленных стенах Сената, выбитых рамках частных домов по Галерной улице...»⁵

Поздно вечером несколько декабристов собрались на последнее совещание в квартире Рылеева. На совещании присутствовали Рылеев, Каховский, Оржицкий, Штейнгель, Батенков. Полный список его участников установить трудно: это было одно из тех конспиративных собраний, о которых декабристы старались не говорить на следствии. Они договаривались, как держать себя на допросах, прощались друг с другом. Отчаянию участников

восстания не было границ: гибель всех замыслов была очевидна. Рылеев взял слово с Н. Оржицкого, что тот сейчас же отправится во вторую армию и известит Южное общество, что «Трубецкой и Якубович изменили...»⁶.

В тот же вечер 14 декабря к некоторым декабристам приезжали сочувствующие друзья, не бывшие участниками тайных обществ, и предлагали свою помощь по сокрытию нужных бумаг. К И. И. Пущину (лицеисту!) приехал друг Пушкина поэт П. А. Вяземский и взял у него на хранение запертый портфель, содержащий копию Конституции Никиты Муравьева, переписанную рукой К. Ф. Рылеева, рукописи стихов А. С. Пушкина, К. Ф. Рылеева и А. А. Дельвига. Тридцать два года хранился портфель у П. А. Вяземского, избежав захвата жандармами Николая I. Осенью 1856 года, когда И. И. Пущин вернулся из Сибири после отбытия срока каторги и поселения, портфель вернулся к нему. Не все поступали таким образом: когда вечером 14 декабря декабрист Корнилович просил Илью Львова передать участнику событий — подпоручику Измайловского полка Кожевникову несколько тысяч рублей, Львов побоялся это сделать и ответил отказом⁷.

«Немного спустя после полуночи» Николай уже отдавал приказ об аресте К. Ф. Рылеева тому самому флигель-адъютанту Дурново, который по трусости не решился переговорить с «мятежниками» на площади. В ночь на 15 декабря в Зимний дворец стали свозить арестованных. Первое открытое сражение, которое молодое русское революционное движение дало старому строю, было проиграно.

Священник Виноградов еще 15 декабря видел на Сенатской площади многочисленные кровавые пятна. Он не решился написать эти слова по-русски и написал по-латыни: «*Sanguinis multa signa*». Дворники засыпали кровь свежим снегом. По приказу Николая спешно штукатурили сенатскую стену, изрешеченную пулями⁸.

* * *

Обобщим теперь особенности хода событий на Сенатской площади. Ответим себе прежде всего на вопрос: правильно ли распространенное представление о «стоячем» восстании? Ясно, что неправильно. Обычно события в схематическом виде представляются таким образом: утром на площадь собрались три полка и стояли в течение четырех-пяти часов, пока их не расстреляли

картечью. Стояли они, то ли дожидаясь диктатора, то ли вообще не зная, что предпринять. Факты показывают, что с этой неправильной схемой необходимо расстаться: она в корне ошибочна. Речь должна идти не о «стоянии» собравшихся полков, а о процессе сбора восставших полков на площади, о процессе их соединения, концентрации сил восстания. Этот сбор был очень медленным и трудным. Полки пришли на площадь разновременно. Николай разгромил не «стоячее», а численно возрастающее восстание.

Еще более распространено ошибочное утверждение, что восставшие войска вышли якобы с незаряженными ружьями и вообще не имели намерения стрелять. Восстание декабристов было будто бы «мирной военной демонстрацией». Эти вымыслы принадлежат либеральной концепции и противоречат фактам. Выше многократно отмечены случаи «батальной стрельбы» с фасов каре и применения силы.

Вникнем в представление самих декабристов о причинах их «бездействия» на Сенатской площади. Как они сами поясняли себе свою пассивную позицию? Чтобы лучше разобраться в этом, учтем, что в те примерно пять часов, которые длилось восстание, в нем сменились две существенно отличные одна от другой ситуации. Первая длилась те часы, когда на площади находился только один полк — Московский. В это время, покуда не собираются все силы восстания, пока не примкнут другие полки, собственно, и не предполагалось начинать действия. Ведь никто из декабристов не думал, что может возникнуть положение, когда на площади в течение двух или двух с лишним часов будет только один восставший полк или, точнее говоря, даже лишь часть одного полка — около 800 человек. Представляя себе накануне ход событий, декабристы совершенно не обдумали этой ситуации, считая ее нереальной. Их показания о предполагаемом ходе событий пронизаны мыслью: или полков одновременно собирается много, или вообще полки не собираются. Диктатор же предполагался присутствующим. Начинать действовать предполагалось, разумеется, сомкнутыми силами. Взятие Якубовичем Зимнего дворца рассматривалось как часть общего плана, но даже эта часть должна была осуществляться более чем двумя полками — гвардейским морским экипажем и измайловцами, поддержаными конно-пионерным эскадроном. Следовательно, согласно этой концепции, наличие на площади только одного полка принуждало к выжиданию. По мнению декабристов, необходимо было ждать присоединения новых частей для

действия. Во время этой первой ситуации отсутствие диктатора сначала могло и не вызывать особых волнений: ведь диктатор на то и диктатор, чтобы знать, где ему находиться и что предпринимать. Может быть, он уже ведет переговоры с Сенатом?

Но время шло, а полки не шли. Минуло более двух часов. Сенат был пуст, и входить в Сенат с требованиями было бесцельно. Первая продуманная и наиболее «законная» с виду ситуация терялась сама собой, и план действий, очевидно, надлежало резко перестроить в более активной и более революционной форме. Но диктатора нет, а полк только один, «начинать» что бы то ни было не с кем. Наивное представление некоторых декабристов, что Сенат можно собрать «восклицаниями», явно не соответствовало действительности: восклицаний было сколько угодно, вся площадь гудела от криков, но Сенат и не думал собираться.

В конце этой первой ситуации резко нарастает тревога, а затем прямое негодование на диктатора, не сдержавшего своего слова, предавшего товарищей. Конечно, у декабристов — военных людей — не мог не возникнуть вопрос о выборе нового диктатора. Но по концепции восстания, принятой декабристами, все же надо было еще «ждать» прихода новых сил. Из кого же выбирать и над кем командовать? Московский полк на площади имел своих начальников. Ни один из них — ни Александр, ни Михаил Бестужевы, ни тем более Щепин-Ростовский — не рассматривал и не мог рассматривать себя как кандидата в диктаторы. По их представлению — диктатор выбирался голосованием. Чье-либо предположение о возможности захватить в этот момент диктаторство они восприняли бы как тяжелое обвинение, даже рассматривали бы как оскорбление, нанесенное их чести. Согласно их пониманию вещей, они не претендовали быть руководителями и гордились тем, что были в военном подчинении избранного революционного начальника.

Как держало себя революционное каре в эти трудные первые часы? Геройски. Нельзя дать иного ответа. Оно не дрогнуло перед генерал-губернаторскими уговорами, оно решительно смело со своего пути Милорадовича — эту препятствующую силу, оно презрело уговоры начальника гвардейской пехоты генерала Воинова, оно не склонилось перед митрополитом с крестом в руках. Заградительная цепь восставших прекрасно выполняла на площади свою задачу: через нее, по-видимому, не удалось пробиться ни свитским офицерам, ни жандармам, ни Бибикову, ни

первоначально самому Милорадовичу. Наконец, будучи одни на площади, московцы геройски отразили ружейным огнем атаки конной гвардии — натиск тысячи первосортных конников, двинувшихся на их ряды.

Декабристы-начальники в этот момент вели себя, несомненно, стойко. Каховский убил Милорадовича, Оболенский штыком повернул лошадь генерал-губернатора и ранил его, прервав его речь к войскам. Оболенский — начальник штаба — вообще был активной и в известной мере централизующей силой. Мы видим его во все решительные и трудные моменты восстания. Он совершил быстрый и целенаправленный объезд казарм еще до рассвета. Он был полностью осведомлен о том, как идет присяга. Он был на своем месте во время переговоров Милорадовича и резко прервал их. Он налицо во время переговоров митрополита, он прервал и эти переговоры. Он активно и решительно охраняет стойкость, боеспособность каре восставших. Надо думать, что разведка Якубовича тоже организована была им или с его согласия. Таким образом, у Оболенского была явно стойкая и последовательная линия поведения.

Каховский, убивший Милорадовича, ранивший свитского офицера и активно вмешавшийся в проповедь митрополита, явно хотел «искупить» свой утренний отказ от цареубийства. Можно сказать, что пуля, предназначенная для Николая, полетела в Милорадовича. Каховский, сверх того, ездил связным в Гвардейский морской экипаж, побуждая его к выходу. Каховский немало сделал и для выхода лейб-grenader, недаром же он воскликнул: «Каков мой Сутгоф!», когда первая рота лейб-grenader влилась в ряды восставших.

А Рылеев? Его полномочия как фактического начальника штаба подготовки восстания, естественно, истекали в предрассветные часы. Он не был военным и по давно задуманному плану уступал место избранным революционной организацией военным руководителям с диктатором во главе. Все было задумано и устроено именно так, что на площади все полномочия передавались военному диктатору. Рылеев не мог и не имел права, с точки зрения декабристов, диктаторствовать на площади. С утра он держал самую тесную связь с Трубецким. Еще затемно Трубецкой был у него, и потом Рылеев с Пущиным поехал к нему. Рылеев был полностью в курсе событий, не имея возможности знать лишь об одном и самом главном — об измене Трубецкого. На площади

некоторым слабым отблеском, «последействием» его прежней роли является его участие в посылке Якубовича на разведку, его хлопоты о связи с другими полками. Он сыграл активную роль в выводе на площадь лейб-grenадер. А дальше он «побежал искать Трубецкого» и больше на площади не появлялся — все искал его! Сколько трагизма в этом свидетельстве. И каким поклепом на этого выдающегося дворянина-революционера является домысел одного из позднейших исследователей, по которому вся трагедия Рылеева заключалась якобы в том, что «Рылеев-революционер выкипал в словесном пламени предыдущих дней»⁹ — дней разработки плана восстания! Разве дело было в том, что он много ораторствовал? Да он всю бы кровь свою отдал, чтобы «найти» Трубецкого, восстановить задуманный ход событий, во имя которого он давно хотел отдать и действительно отдал свою жизнь. Он предвидел свою гибель («Известно мне, погибель ждет...») и думал, что «все-таки надо». История показала, что он был прав.

Между часом и двумя на площади создается вторая ситуация, резко отличная от первой. По всему видно, что эта ситуация несколько короче первой по времени. Первая длится более двух часов, с одиннадцати часов утра до второго часа дня; вторая длится несколько менее двух часов — со второго часа дня примерно до четырех — начала пятого, кончаясь появлением артиллерии в царском окружении и картечью.

Отличие второй ситуации от первой создается приходом новых восставших войск. Пришло два новых полка: почти в полном составе Гвардейский морской экипаж — свыше 1100 человек и лейб-гвардии grenадеры — около 1250 человек, всего не менее 2350 человек, т. е. сил прибыло в общей сложности более чем втрое по сравнению с начальной массой восставших московцев (около 800 человек), а в целом число восставших увеличилось вчетверо¹⁰. Впервые между часом и тремя возникает долгожданная ситуация сбора войск. Это увеличение сил восставших отражено в факте выбора нового диктатора. По концепции восстания выбор нового диктатора, собственно, и мог быть совершен только после сбора восставших войск на условленном месте.

То, что декабристы предполагали совпадающим или почти совпадающим во времени (прибытие на площадь отдельных восставших полков), реально оказалось резко разорванным во времени, отделенным друг от друга двумя или более часами. Создалось даже вообще совершенно не предвиденное и противоречившее концеп-

ции декабристов положение: на площадь пришли присягнувшие Николаю полки (лейб-grenадеры).

Почему же произошло это непредвиденное запоздание сбора воинских частей? О трудностях, создавшихся в связи с выводом новых частей, уже говорилось. Отказ Якубовича, казалось, срывал весь план выхода моряков, но своевременные распоряжения Рылеева в известной мере восстановили разорванное звено: моряков вывел Николай Бестужев. Для вывода моряков пришлось силой освободить из-под ареста их командиров. Должен ли был Николай Бестужев полностью восстановить функцию Якубовича, т. е. вести матросов на захват Зимнего дворца? Очевидно, он не имел никаких иных поручений, нежели те, какие выполнил: вывести моряков и влить их в число участников восстания. Моряки, следуя правилам военного устава, «спешили на выстрелы». Все дальнейшее зависело от воли диктатора. Поздний выход моряков, таким образом, вполне объясняется чрезвычайно сложной ситуацией, создавшейся в казармах, неявкой Якубовича, сменившей предводителя, арестом начальников восставших частей, их освобождением.

Поздний выход лейб-гренадер (после присяги) имеет также свои мотивы, разобранные выше. Учтем и дальность расстояния гренадерских казарм от Сенатской площади. И матросы (отчасти) и лейб-гренадеры, особенно последние, не просто пришли на Сенатскую площадь, а явно пробились через плотное кольцо окружения императорской гвардии. Противопоставление восставших сил императорской России было очень резким, их антагонизм был выявлен очень отчетливо, явно.

Но именно в момент сбора полков действовать было уже поздно. Окружение восставших правительственными войсками, более чем вчетверо превосходившими восставших по численности, было уже завершено. По подсчетам Г. С. Габаева, против 3 тыс. восставших солдат было собрано 9 тыс. штыков пехоты, 3 тыс. сабель кавалерии, итого, не считая вызванных позже артиллеристов, не менее 12 тыс. человек. Из-за города было вызвано и остановлено на заставах в качестве резерва еще 7 тыс. штыков пехоты и 22 эскадрона кавалерии, т. е. 3 тыс. сабель; иначе говоря, в резерве стояло на заставах еще 10 тыс. человек, не считая гарнизонных частей и разбросанных в окрестностях Петербурга других резервных частей, могущих быть вызванными по первому требованию¹¹.

Даже во время нашествия Наполеона столица Российской империи охранялась куда слабее — только одним корпусом Витгенштейна...

Таким образом, анализ причин разгрома восстания есть прежде всего выявление классовой ограниченности той дворянско-революционной концепции восстания, с краха которой и началось великое накопление Россией революционного опыта. Этот опыт был в какой-то мере исходным и для последующего создания теории искусства восстания, окончательно выработанной лишь в последний период русского революционного движения. Тезис Герцена «декабристам на Сенатской площади не хватало народа» и был первым усвоением горького урока, который был дан общественному движению в разгроме восстания декабристов.

Декабристы искали форм организованного восстания. Они были противниками «пугачевщины» — стихии народного «мятежа», лишенного единого руководства (они имели в виду свое руководство, дворян-революционеров). Декабристы стремились к организованному восстанию. Они разработали план восстания. Организующей и воплощающей его силой должна явиться диктаторская воля революционера-дворянина (избранного революционной организацией диктатора), ведущая войска во имя блага народа при пассивном сочувствии последнего. Понятие «народ» отделялось декабристами от условного понятия бунта «черни» — анархической силы безнадзора и грабежа, лишенной, по их представлению, каких бы то ни было идейных мотивов борьбы. В этом отношении замечательны слова Булатова, сказанные на совещании у Рылеева: «Итак, друзья, вместо невиданного добра, чтобы не сделать нам вреда народу; не забудьте, при открытии нами огня чернь во всех частях города может опустошать дома и наносить большое зло народу и городу»¹². Завалишин так формулирует причину, почему декабристы не хотели принять содействия народа: они боялись, «чтоб вместо содействий восстанию от народа не дать ему скорее только случай к грабежу и насилию тем более, что подобные опасения вполне оправдывались тем, что, требуя оружия, кричавшие прибавляли: “Мы вам весь Петербург в полчаса вверх дном перевернем”». Необходимо отметить, что Завалишин уже в 30-х годах критикует это положение, т. е. осознает урок, данный горьким опытом декабристов, и пишет, что с тактикой декабристов в этом вопросе «нельзя, однако, вполне согласиться».

Величайшая сила движения — конечная, глубинная солидарность правительственные частей с восставшими частями — сознавалась декабристами. Расчет, что свои не будут стрелять в своих, характеризует идеологию восстания. Но декабристы не сумели использовать этой силы и по причине классовой ограниченности своей революционности не только заняли пассивную позицию, но и, так сказать, затормозились этой силой, не сумев стать хозяевами ситуации. Завалишин следующим образом формулирует это своеобразное положение: декабристы не хотели начать «собственной атаки», чтобы «не вынудить внезапным нападением какой-нибудь благоприятно расположенный полк к действию против себя в видах собственной обороны». Он, правда, критикует эту тактику в годы, когда писал мемуары, и приходит к справедливому выводу: «Неподвижность явно была принимаема всеми за знак нерешительности, что парализовало решимость всех полков, готовых и ждавших случая принять также участие в восстании... Через тех же нестроевых, которые приходили от полков, легко можно было предупредить их, что предпринятое движение будет вовсе не с враждебною целью против них, а чтоб дать им возможность и удобный случай объявить себя на стороне восстания, хотя бы бросившись навстречу и смешавшись в рядах». Но все это — уже позднейшие рассуждения¹³.

Вся история русского революционного движения со стороны тактической представляет собой поиски форм организованного восстания, направляемого единой революционной волей к единой цели. Лишь народнические теории, особенно бакунизм, давали примеры тактик, основанных на стихии крестьянского «мятежа», который якобы готов подняться «по первому слову» и, разыгрываясь без руководства, все же приведет к желанной цели — победе революции и свержению старой власти. По сравнению с этими анархистскими концепциями народного «мятежа», идеология декабристов, несомненно, выше: она ищет организованного и руководимого восстания. Конечно, она воплощает эти поиски в крайне несовершенное, практически неудачное военное восстание, руководимое дворянами-революционерами во имя интересов народа и при пассивном его сочувствии, но без активного участия народа. В этом неумении и классовом нежелании сделать народ активной силой движения и раскрывается ленинское положение «страшно далеки они от народа»¹⁴. Но сама идея организованного и руководимого восстания является плодотворной идеей. Идея

Герцена — Огарева в конце 50-х годов организовать «повсюдное» восстание, «идущее строем», возглавленное революционными войсками, за которыми в строю идет восставший народ, как бы утопична она ни была, безусловно является следующим этапом развития этой же идеи организованного и руководимого восстания в русском революционном движении. Связь этой концепции с опытом декабристов несомненна, ее практическая слабость опять-таки показана неудачным исходом, нереализованными замыслами.

Развитием той же идеи в русском революционном движении является тактическая сторона в прокламации Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Этот революционный документ пронизан мыслью единого, одновременного народного восстания, организованного по сигналу революционного руководства; в восстании действует вооруженный и даже в какой-то мере обученный военному делу народ.

Единственно правильное решение глубокой и плодотворной задачи — разработки идеи организованного и руководимого народного восстания, восстания под гегемонией единственного, до конца революционного класса — пролетариата — дала партия большевиков, партия Ленина. Учащаяся молодежь нередко задает вопрос, могли ли бы декабристы победить. Историку в подобных случаях запрещено сослагательное наклонение. Если не «менять» произвольно создавшихся условий их действий (включая сюда, разумеется, и рылеевский вывод, «что Трубецкой и Якубович изменили», сохранив неожиданность смерти Александра I и вынужденную дату восстания), они и не могли победить.

Дело декабристов оказалось трудным и потребовало в дальнейшем огромного напряжения народных сил и глубокой работы революционного движения. Многие последующие поколения революционеров хотя и горели идеей открытого революционного выступления, но не смогли воплотить ее в жизнь. Открытое революционное вооруженное выступление осуществилось после восстания декабристов лишь через восемьдесят лет — в 1905 году, но осуществилось уже как движение народных масс под гегемонией единственного, до конца революционного класса — пролетариата.

Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция «поподня», «мимоходом», как сказал В. И. Ленин, решила вопросы буржуазно демократической революции в России — ровно через сто лет и один год после организации первого тайного общества декабристов (1816–1917). «Мы решали вопросы буржуазно-демократической

революции походя, мимоходом, как “побочный продукт” нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы», — писал Ленин в своей статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции»¹⁵.

Но дело декабристов «не пропало» (Ленин)¹⁶. Декабристы не только задумали, но и организовали первое в истории России выступление против самодержавия с оружием в руках. Они совершили его открыто, на площади русской столицы, перед лицом собравшегося народа. Они действовали во имя сокрушения отжившего феодального строя и движения своей родины вперед по пути закономерного общественного развития. Идеи, во имя которых они восстали, — свержение самодержавия и ликвидация крепостничества и его остатков — оказались жизненными и долгие годы, в сущности целое столетие, собирали под знамена революционной борьбы последующие поколения.

В стране победившего социализма, в стране, строящей коммунизм, мы чтим память восставших дворянских революционеров-декабристов — первых борцов против самодержавия и крепостничества.

